

«ИДЕАЛ МАДОННЫ» ИЛИ «ИДЕАЛ СОДОМСКИЙ»: ? ДВА ЛИКА ЖЕНСТВЕННОСТИ В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

Красота — страшная и таинственная вещь, восклицает Дмитрий Карамазов: «тут все противоречия вместе живут». Борьба «идеала Мадонны» с «идеалом содомским» - так охарактеризованы впечатления, которые рождает женщина в душе мужчины в романе Ф. М. Достоевского. Комментируя понимание сущности женского начала великим писателем, Н. А. Бердяев пишет: «В трагедии мужского духа женщина означает раздвоение» (4, с. 76).

Изучая историю представлений о женщине, исследователь неизбежно приходит к выводу, что говорить об отношении какой-либо культуры к ней как о чем-то однозначном, одномерном чрезвычайно сложно: всякая культура содержит и светлый, и «темный» лик женственности. Очевидно, ни одно общество не будет жизнеспособным, если в нем совершенно отрицается, например, ценность материнства. Вместе с тем, в иррациональной драме полов сексуальная притягательность женщины одновременно воспринимается как опасность - и этот мотив проходит через всю историю человеческой культуры. Таким образом, женский лик всегда предельно антиномичен: одну его половину, как писала Бетти Фридан, составляет «образ добропорядочной чистой женщины, достойной преклонения, и вторую - женщины падшей, с плотскими желаниями» (21, с. 84 - 85).

Разумеется, человек вообще представлен в культуре как явление непростое и противоречивое, однако именно женщину считают чем-то загадочным, разрушающим все схемы, все построения мужского ума. Образ женщины совмещает крайности, полярности: Дева Мария и Ева, «Святая» и «Шлюха», «Жена, облеченная в солнце» и «Вавилонская блудница». Следует согласиться с мыслью В. С. Соловьева, что «самое общее онтологическое определение женственности» - это двойственность (см.: 15, с. 27). Как известно, в мировой философской традиции эта биполярность, «извечная двуначальность женственного» (В. И. Иванов) получила отражение в числовой символике. Единица есть мужское, Двоица - женское. Мужское начало - это принцип единства, предела, духовности, женское - это принцип множественности, материи как неопределенности и неоформленности (см.: 22, с. 192 - 193).

К подобной числовой символике мужского и женского начал обращались многие отечественные мыслители (например, В. С. Соловьев, В. И. Иванов, П. А. Флоренский; см.: 15, с. 26 - 28). Задача настоящей статьи - проанализировать

идею двойственности женской природы в сочинениях русских философов: образно-символический ряд, используемый для иллюстрации этой идеи, ее значение для всей системы представлений о женщине, для понимания самой сущности женственного.

Двойственность женского начала связывается в работах русских мыслителей с другими характеристиками природы женщины.

Так, Двоица осмысливается в контексте противопоставления мужского начала как «дискретного», «квантообразного», и женского - как «континуального», «непрерывного», «связующего». В. В. Розанов пишет о женщине: «Не имея своего Я, она входит цементирующую связью между всеми человеческими Я...» (цит. по: 15, с. 16), а потому «...именно женщина есть символ единства рода человеческого, его связности» (там же). Если мужская Единица - это индивидуум, субъект, то женская Двоица - это интерсубъективность, это начало общения, диалога. Первая в русской философии трактовка женского начала как начала социальности принадлежит А. С. Хомякову. Анализируя этимологию имен прародителей человеческого рода, философ предполагает, что «Адам» - это местоимение первого лица, тогда как Ева («Тва») - местоимение второго лица. А. С. Хомяков рассуждает: «Адам называет по имени все предметы природы, но они ему не отвечают, они ему не подобны» - он разлучен с окружающим миром. Лишь с появлением Евы Адам обретает единство со Вселенной; женщина осмысливается как посредница между мужчиной и миром (18, с. 214 - 215). Подобные идеи получили дальнейшее развитие в философии Серебряного века, в сочинениях Д. С. Мережковского, Л. П. Карсавина, С. Н. Булгакова, В. И. Иванова (см.: 15, с. 65 - 66).

Другой вариант «расшифровки» двойственности связан с пресловутой женской таинственностью, которая может эксплицироваться через различные модусы. Это нелогичность - и особая женская мудрость. Это иллюзорность - и «онтологическая лживость» (Отто Вейнингер). Это пустота («О чем думает Мона Лиза? Конечно, ни о чем!»); Камилла Палья - 30, с. 154) - и огромный потенциал.

Наконец, двойственность интерпретируется как противоречивость. В отечественной интеллектуальной традиции различение двух ликов женственности можно обнаружить уже в «Повести временных лет»: «Злая жена» противопоставляется «Доброй жене», Ева - Марии (13, с. 255 - 256, 271); эти оппозиции

были востребованы во многих произведениях древнерусской мысли. О противоречивости, двойственности, двусмысленности женской природы упоминается на страницах сочинений, принадлежащих русским философам XIX века: например, А. С. Хомякову (19, с. 271) и Н. В. Гоголю (8, с. 211), Н. Н. Страхову (17, с. 329) Л.Н. Толстому см.: 24, с. 4,10,45). Приведем выразительную цитату: «Женщина - или ангел, или аспид» (см.: 16, с. 20). «Ужасное совершенство» (Terrible Perfection) - так выразила сущность образа женщины в русской литературе Барбара Хелдт (см.: 27).

В философии Серебряного века оценка женственности как метафизического принципа, одного из двух комплементарных начал бытия Божественного, Вселенной и человека была исключительно высока; в восстановлении значения женственного начала видели путь к спасению, к преображению человека. Однако «темный лик» женственности не исчезает; мыслители постоянно предостерегают от смешения этих двух ее ликов. Так, их противостояние подчеркивается в известной фразе В. С. Соловьева («поклонение женской природе самой по себе» и «истинное почитание вечной женственности»; см.: 15, с. 35). С. Н. Булгаков настаивает на необходимости отличать «женщину» от «самки», «чистую женственность» от «дурной женственности» (см.: там же). Н. А. Бердяев напоминает о различии Афродиты Небесной и Афродиты Простонародной, противопоставляя «просветленную женственность» и «дурную женственность», «соблазняющую и расслабляющую женственность Евы» и «женственности Девы Марии», «культ вечной женственности» и «ложную власть женственности» (там же; 5, с. 283; 6, с. 211). Оппозиции «женственное» - «бабье», «Прекрасная Дама» - «Астарта» определяют отношение к женщине в творчестве А. А. Блока (см.: 15, с. 35; 23, с. 102). Андрей Белый, подчеркивая, что «душа мира есть существо двойственное», пишет: «Воплощающая Христа, Она - София, Пречистая Дева; не воплощающая Христа - Лунная Дева, Астарта, Огнезарная Блудница, Вавилон» (2, с. 100).

Имманентную двойственность женской природы, женской стихии В. И. Иванов трактует как амбивалентность Матери-земли: Земли-колыбели, дающей жизнь, и Земли-могилы, ее отбирающей (10, с. 303). Н. А. Бердяев подчеркивает: «И вся земля, вся мать-земля женственна, но женственность ее двойственна, как и всякая женственная природа, Земля - Ева и Мария» (5, с. 224). Таким образом, Земля, символизирующая, видимо, во всех культурах женщину, рассматривается как нечто амбивалентное (см. также: 2, с. 265).

Самым же древним символом двойственного женского начала, еще на доземледельческой стадии развития общества олицетворявшим материнское плодородие, была Луна (25, т. 3, с. 60). Популярный в большинстве культур, этот

символ женственного получил широкое распространение и в русской интеллектуальной традиции: о лунном женском начале писали, например, Н. К. Михайловский (12, с. 536), В. С. Соловьев (см.: 15, с. 19), Н. А. Бердяев (6, с. 210), В. И. Иванов (9, с. 332-335).

«Женскость» Луны видели в таких ее качествах, как изменчивость, текучесть, непостоянство, двойственность. Это соответствует древней мифологической традиции. Луна являлась покровительницей изменчивого времени, которое измерялось по ее фазам; повелевает временем, предсказывает и определяет судьбу женщины (29, с. 226 - 227; 9, с. 331). Не случайно в мифах многих и многих народов богинями судьбы являются женщины; отметим также, что «неизвестность и непознаваемость судьбы проявляется, в частности, в греческой мифологии в представлениях о мойрах, как дочерях Ночи...» (11, с. 472). Юлиус Эвола, анализируя мифологические представления, отмечает, что «царица ночи» Луна - светило изменчивое; поэтому она, как и Вода, отождествляется с текучестью, движением, и с божественным женским архетипом (22, с. 202).

О «лунном характере вечной женскости» пишет П. А. Флоренский. В его философии имени «Елена» осмысливается как символ «вечной женскости»; причем этимология этого имени восходит, по мнению мыслителя, к слову «селена», что означает «луна». «Изменчивая как вода», Елена выражает суть женского характера (20, с. 171 - 172).

Контраст светлой и темной сторон Луны широко используется для иллюстрации двойственности, амбивалентности сущности женщины. «Природа женственности, подобно лунной, и светлая, и темная»: она и покровительница плодородия, и хозяйка разрушительных сил природы (26, с. 152).

Две стороны Луны отражают многоликость, противоречивость женского начала и в «Розе Мира» Даниила Андреева. Лунная богиня Танит вызывает в человеке «тончайшую тоску о горнем», лунная демоница Воглеа - «тяготение к сексуальным провалам»; вот почему так «болезненно, мрачно и тяжело действуют на подсознательную сферу многих из нас лунный ущерб и ночи новолуния» (1, с. 145).

В философско-мифологической трактовке Луны есть еще один аспект, способный пролить дополнительный свет на исследуемую в статье проблему: если Земля символизировала амбивалентность т е л е с н о г о начала женской природы (в терминологии Эриха Ньютмана, «элементарный» аспект женственного), то Луна - е е д у х о в н о е, точнее, сверхдуховное («трансформативный» аспект) измерение, которое также противоречиво и двойственно (29, с. 45, 57, 95, 325).

Будучи символом спиритуалистической ипостаси женственного, Луна "наводит чары" (П. А. Флоренский - 20, с. 171), искажает реальность, обнаруживает реальность иную, чем "наша",

"мужская"; она есть <<вечное "обещание">> (В. В. Розанов - 14, с. 15, прим.). По Эриху Ньюману, женственность в "трансформативном" аспекте может принимать форму либо ведьмы-искусительницы, либо Премудрой Софии (29, с. 75). И та, и другая, отрицая "нормальную", "мужскую" реальность, открывают иное измерение: как пишет П. А. Флоренский, Елена-Луна растворяет своим фосфоресцирующим туманом все очертания и все формы, размывает внутреннюю четкость вещей (20, с. 171).

* * * * *

Почему же идея двойственности женского начала столь укоренена в человеческой культуре? Что общего у "святой" и "преступницы"? То, что они олицетворяют ценности, девиантные по отношению к норме, периферию по отношению к центру. Как написала Симона де Бовуар, Женщина - это Другой. Два противоречивых лика женственности - это два возможных лика Инаковости. Женщина по отношению к мужской норме - пре-ступница, трансгрессор. Женщина как природа, "фюзис" древнегреческой философии, отрицает норму, закон, "номос". В романе Джорджа Оруэлла "1984" женщина, любовь к женщине становятся символами протеста против тоталитарного порядка; и, можно добавить, против социального порядка вообще, против культуры вообще. Обратим внимание и на то, что революцию традиционно трактуют как проявление женского начала (28, с. 124); это нашло отражение и в отечественной историософии (см.: 15, с. 108-109; 1, с. 152, 257). "Темный лик" женственности ("женщина-ведьма", "женщина-Ева") отражает представление о женщине как виновнице всех

несчастий, как разрушительнице.

Однако в отрицании скрыт гигантский потенциал. Нарушение одних норм и отрицание одних ценностей - это одновременно и возможность утверждения других норм и ценностей. Будучи Другим, женщина - это вечная альтернатива мужчине, это возможность выбора, это необходимое условие свободы. Без Другого нет выбора, без выбора нет свободы. Совершенно не случайно свободу всегда представляют в виде женщины (28, с. 124; 31, с. 228). Мужчина - это то, что есть, это сущее. Можно согласиться с Жаком Лаканом в том, что женщина в андроцентрической культуре "не существует", но при этом следует уточнить: не существует как действительность. Однако она постоянно присутствует как возможность, возможность как худшего, так и лучшего. Женщина - это и телесное, но это и сверхдуховное; это и меньше, чем мужчина, но и больше, чем мужчина. Именно инаковость служит отправной точкой идеи спасительной миссии женщины, женского мессианизма, связанной со "светлым ликом" женственности. Эту миссию обнаруживают как в перипетиях индивидуальной мужской судьбы (спасение герою приходит от женщины, будь то Ярославна "Слова о полку Игореве" или булгаковская Маргарита), так и в судьбе всего человечества. "Красота спасет мир", но красота же и погубит мир - и это две стороны одной медали. Необходимо отдавать себе отчет в том, что женщина в интеллектуальной традиции потому "преступница", что она "святая". И наоборот.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Андреев Д. Л. Роза Мира. М., 1992.
2. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990.
3. Белый А. Письмо А. А. Блоку, 6 января 1903 г. // Александр Блок, Андрей Белый: Диалог поэтов о России и революции. М., 1990.
4. Бердяев Н. А. Миросозерцание Достоевского // Бердяев Н. А. Философия творчества, культуры и искусства: В 2 т. М., 1994. Т. 2.
5. Бердяев Н. А. Опыт эсхатологической метафизики: Творчество и объективация // Бердяев Н. А. Царство Духа и царство Кесаря. М., 1995.
6. Бердяев Н. А. Философия свободы // Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989.
7. Вейнинггер О. Пол и характер. М., 1992.
8. Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями // Собр. соч.: В 7 т. М., 1967. Т. 6.
9. Иванов В. И. Древний ужас // Иванов В. И. Дионис и прадионисийство. СПб., 1994.
10. Иванов В. И. Существо трагедии // Там же.
11. Карев В. М. Судьба // Мифы народов мира: Энциклопедия в 2 т. М., 1992. Т. 2.
12. Михайловский Н. К. Борьба за индивидуальность // Полн. собр. соч. СПб., 1910. Т. 1.
13. Повесть временных лет. М.; Л., 1950. 4. 1. %»
14. Розанов В. В. Люди лунного света // Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 2.
15. Рябов О. В. Женщина и женственность в философии Серебряного века. Иваново, 1997.
16. Соловьев Н. И. Милль, Конт и Бокль о женском вопросе. М., 1870.
17. Страхов Н. Из истории литературного нигилизма, 1861-1865. СПб., 1890.
18. Хомяков А. С. Письмо г. Бунзену // Соч.: В 2 т. М., 1994. Т. 2.
19. Хомяков А. С. «Семирамида» (Исследование истины исторических идей) // Хомяков А. С. Там же. Т. 1.
20. Флоренский П. А. Имена // Малое собр. соч.: В 2 вып. Б. м., 1993. Вып. 1.
21. Фридан Б. Загадка женственности. М., 1994.
22. Эвола Ю. Метафизика пола. М., 1996.
23. Якобсон А. Конец трагедии. Вильнюс; М., 1992.
24. Benson R.G. Women in Tolstoy: The Ideal and the Erotic. Urbana, 1973.

25. Briffault R. The Mothers: A Study of the Origins of Sentiments and Institutions. In 3 vol. L; N.Y.,1927.

26. Gimbutas M. The Gods and the Goddesses of Old Europe, 7000 to 3500 BC. Myths, Legends and Cult Images. Berkeley, 1974.

27. Heldt B. Terrible Perfection: Women and Russian Literature. Bloomington, 1987.

28. Hobsbaum E. Man and Woman in Socialist Iconography //History Workshop. Oxford, 1978. N6.

29. Newmann E. The Great Mother: An Analysis of the Archetype. Princeton, 1991.

30. Paglia C. Sexual Personae: Art and Decadence from Nefertiti to Emily Dickanson. L, 1990.

Waters E. The Female Forms in Soviet Political Iconography // Russia's Women: Accomodation, Resistance, Transformation. Berkeley, 1991.

